

**ТРАДИЦИИ ПОМИНОВЕНИЯ И ПОСЕЩЕНИЯ
МОГИЛ У КАЗАХСТАНСКИХ КОРЕЙЦЕВ.
ВЛИЯНИЕ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ МИССИОНЕРОВ
НА СОХРАНЯЕМЫЕ ПОМИНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ**

Среди диаспоры корейцев наиболее отчетливо и повсеместно сохраняются представления о весеннем поминальном дне, который чаще всего называется «родительским днем» (по аналогии с православными родительскими субботами) или просто «5 апреля». Вторым по значимости поминальным днем является Чу-сок — осенний праздник урожая.

Широкая распространенность представлений о необходимости соблюдения традиционных поминальных обрядовых практик у казахстанских корейцев позволяет, на наш взгляд, рассматривать календарные праздники как одно из средств конструирования этнической идентичности корейцев диаспоры.

Актуализация этноохранительных функций праздников была вызвана последствиями репрессивной политики, проводившейся в отношении корейцев, начиная с депортации 1937 г. Как свидетельствуют исследования, со второй половины 1950-х гг. этноконсолидирующая роль традиционных корейских семейных и календарных праздников возросла, что во многом связано с переходом на русский язык (в связи с закрытием школ с корейским языком преподавания) и увеличивавшейся с начала 1960-х гг. дисперсностью расселения. Кроме того, по наблюдениям исследователей, к началу 1990-х гг. семейная и календарная праздничная обрядность корейцев приобрела новые черты, а сами праздники — новый размах [1, с. 246].

Однако с началом деятельности миссионерских церквей из Южной Кореи эта сфера жизни казахстанских корейцев в значительной степени подверглась их настойчивому влиянию. Серьезная критика на предмет соответствия «настоящим» корейским традициям затронула прежде всего календарные праздники. Кро-

ме таких технических вопросов, как количество совершаемых поклонов и их порядок или количество и рецептура ритуальной пищи, обсуждения коснулись и смысла совершаемых обрядовых действий.

По мнению исследователей, основой обрядовой практики, сохраняемой корейцами постсоветских государств, являются традиционные верования, в семейно-бытовой сфере наблюдается следование этике конфуцианства. Активные попытки миссионеров скорректировать традиционные обрядовые действия паствы в соответствии с нормами своего религиозного направления на данный момент сформировали неоднозначное отношение к соблюдению календарных обрядовых практик у представителей диаспоры, посещающих миссионерские церкви.

Говоря о традиционных поминальных обрядовых действиях, совершаемых корейцами диаспоры на кладбище в строго отведенные для этого дни, необходимо отметить, что наиболее важный для диаспоры корейцев поминальный день, отмечаемый 5 апреля, оказался выделен как наиболее важный не сразу.

В период исхода большей части мигрантов на русский Дальний Восток традиционная обрядность корейцев была во многом ориентирована на сохранение памяти о предках как выражение сыновней почтительности, одной из основных конфуцианских добродетелей. Традиционный календарь предполагал 4 установленных дня для посещения могил — по одному в каждом сезоне года: в первый день нового года по лунному календарю, 105-й день после зимнего солнцестояния — Хансик, Тано — 5-й день 5-го лунного месяца, и Чусок — 15-й день 8-го лунного месяца.

Важно отметить, что из этих дней только Хансик не предполагал праздничных мероприятий, ритуальные действия в этот день были сосредоточены на поминальных процедурах, тогда как остальные три были именно праздниками и сопровождалась играми и народными развлечениями. Вероятно, это связано с особенностью сельскохозяйственных периодов, на которые приходится каждый из поминальных дней. Соллаль — праздник начала года, не связан с сельскохозяйственными работами, но по логике инициальной магии посещение могил предков в этот день гарантировало их поддержку на весь следующий год. Чусок является

праздником урожая, когда сельскохозяйственные работы закончены. Тано — праздник окончания посевных работ. И только Хансик отмечал начало сельскохозяйственного года, время надежд и упорного труда, поддержки в котором ожидали от предков. Сохранение роли Хансика как поминального дня обусловлено еще и тем, что это единственный из прежних календарных дней поминовения, дата которого рассчитывается в соответствии с солнечным календарем.

До депортации 1937 г. основные черты поминальной обрядности, праздничной культуры и всего образа жизни корейцев в целом сохранялись, обращение корейцев в православие было поверхностным. В результате депортации они оказались в очень пестром окружении. Динамику этнического состава республик Средней Азии на тот период определяли многочисленные массовые депортации, эвакуация крупных промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны, а позднее — освоение целины. Максимальное разнообразие этнического окружения и особенности его формирования, а также тот факт, что атеизм являлся одной из составляющих государственной идеологии, обусловили необходимость корректировки сохраняемой обрядовой практики.

Корейцы «старались слишком явно не демонстрировать приращенность некоторым обычаям предков, особенно если жили небольшими группами в иноэтничном окружении <...> некоторые элементы похоронной обрядности они старались опускать, чтобы эти действия не были превратно истолкованы местным населением и тем самым не нанесли ущерб имиджу группы» [2, с. 34].

Наиболее же важную роль в закреплении Хансика в качестве «национального дня посещения могил», каким его считают ныне живущие представители среднеазиатской диаспоры, сыграла его календарная близость к православной Пасхе, что само по себе было достаточной для внешнего окружения объяснительной схемой. В результате на данный момент можно констатировать, что сохранность представлений о необходимых ритуальных действиях в этот день более высока, чем навык описания этих действий. Само название этого праздника не используется, большинство считают этот день корейским аналогом русского родительского дня. Под наименованиями — «завтрак», «обед» и «ужин» — чере-

да поминальных дней известна большинству среднеазиатских корейцев. Однако если про «завтрак» и «ужин» (5 апреля и Чусок) осведомлены практически все, то про «обед» обычно могут сказать только, что он бывает летом. Ни более точной даты, ни другого названия, как правило, не вспоминают.

С середины 1990-х гг. публикуются многочисленные пособия и книги о традиционной корейской обрядности. Авторы некоторых из них сосредоточены на описании существующих в диаспоре явлений, но большинство книг составлены с использованием южнокорейских пособий по соответствующей тематике. Все эти издания оказались широко востребованы, однако, будучи насыщенными подробными описаниями того, как следует делать «на самом деле», они мало изменили сохраняемые практики, унаследованные ныне живущими представителями диаспоры от родителей.

Основным эффектом от прочтения этих книг, как и от общения с южнокорейцами на темы традиционной обрядности, стало более массовое исполнение среднеазиатскими корейцами ритуальных действий, воспринимаемых южнокорейцами как сильно упрощенные и неправильные.

Наиболее противоречива позиция южнокорейских миссионеров в отношении Чусока — традиционного осеннего праздника урожая и поминовения усопших. В Южной Корее Чусок является значимым днем и отмечается как государственный праздник. Отношение протестантских миссионеров к традиционным праздникам, соблюдаемым корейцами диаспоры, можно проиллюстрировать примерами из жизни Алматинской методистской церкви (АМЦ). В общине АМЦ все перечисляемые в интервью праздники строго соответствовали церковному календарю. Причем и прихожане, и служители церкви одинаково последовательно ограничили круг отмечаемых событий. Примечательные события внецерковного характера, в том числе Чусок, не упоминаются, хотя, судя по материалам наблюдения, все-таки отмечаются в церкви. Об этом можно судить по особенностям организации службы и совместной трапезы. В проповеди праздник не упоминается, но ее тематика, очевидно, апеллирует к существующей в Южной Корее праздничной традиции через акцентирование важности родительского благословения и единства семьи.

К обычным блюдам трапезы, завершающей воскресное собрание в этот день, были прибавлены десертные рисовые хлебцы *сонпхён* — традиционное для Чусока блюдо. Однако отсылки в проповеди весьма иносказательны и не вызывают никаких ассоциаций у прихожан-некорейцев. Праздничная пища не признается таковой даже в ответ на прямой вопрос. Для южнокорейской части прихода АМЦ (а это примерно треть от численности прихожан) организуется отдельное празднование с выездом на пикник, практически втайне от остальных членов церкви.

Вся эта конспирация связана с тем, что ритуальные действия, совершаемые на кладбище на Чусок, как и в другие поминальные дни у представителей диаспоры и в Корее (приверженцами остальных религиозных направлений), противоречат христианским догматам. Поминальная трапеза, совершаемая на кладбище, традиционно воспринимается как «кормление» покойного, кроме того, на могиле делают три поклона, все это трактуется миссионерами как идолопоклонство.

Крайне интересно, что столь серьезные усилия по искоренению нехристианской да и просто «неправильной» (с точки зрения южнокорейцев) ритуальной практики оказались сосредоточены в большей степени на втором по значимости для корейцев диаспоры поминальном дне. При этом наиболее важный для представителей диаспоры поминальный день, отмечаемый 5 апреля, оказывается практически вне поля зрения миссионеров. Дело в том, что изначально массовый интерес представителей диаспоры к деятельности миссионерских церквей был связан со стремлением познакомиться и общаться с «настоящими» корейцами, что воспринималось как возможность возвращения к истокам. Таким образом были возрождены многие забытые традиции, например празднование Нового года по лунному календарю. Массовым стало и празднование Чусока. Наиболее ярко об этом говорят сами информанты:

Соб.: — *Твои родители праздновали Чусок в советское время?*

Инф.: — *Нет, конечно же, нет. Как бы это было совершенно <...> Может быть, кто-то и знал, но нет, не праздновали. Потому что как бы такого не было. Для всех праздник Чусок открылся только тогда, когда приехали южнокорейцы, по-моему.*

Когда они вот приехали, их стало много, мы стали встречаться. Они стали: «Вот, праздник Чусок такой-то, народный как бы такой. Давайте праздновать». Сначала все это праздновали на южнокорейской территории, естественно. Потом как-то появилась литература, стали вычитывать оттуда, видимо. Посмотрели, что ёклмн, там весь народ там празднует Чусок. И тут у нас тоже стало появляться, потому что раньше такого не было. И например, даже на кладбище как бы по советским временам, ну как бы многие, во всяком случае один раз только приезжали в «родительский день» на кладбище. А вот когда приехали южнокорейцы, они два раза выезжают, понимаешь. А мы тоже стали уже два раза выезжать. То есть вот благодаря тому, что вот открылись эти ворота, на самом деле много чего узнали о себе вообще и о корейцах (М., 34 года, несколько лет ходил в методистскую церковь).

Общение с миссионерами стало стимулом и во многом средством осознания себя, своей этнической идентичности. Однако полной переработки сохраняемых традиций не происходит. Одной из причин этого является критичное и зачастую пренебрежительное отношение южнокорейцев к культурным особенностям корейцев диаспоры. В результате для представителей диаспоры на данном этапе наиболее важным оказалось обоснование особой значимости исторического опыта и этнической специфики корейцев постсоветских государств. Это выразилось, в частности, в том, что возрождение «традиции» празднования Чусока произошло под влиянием южнокорейцев, но по форме следует образцам, сложившимся в советское время, что и вызывает их неодобрение. Высокая значимость поминальных практик определяется их направленностью на сохранение памяти о ближайших предках и перенесенных ими испытаниях.

Библиография

1. Джарылгасинова Р. Ш. Семейные и календарные праздники корейцев России и государств СНГ как этноконсолидирующий фактор // Семья, гендер, культура. М., 1997.
2. Волкова Т.В. Российские корейцы: к вопросу о самоидентификации // Этнографическое обозрение. 2004. № 4.